

падшими прародителями, — обрѣлъ въ Ней полное человѣческое достоинство, въ которомъ узналъ Свой образъ и подобіе. Это и привлекло Сына Божія съ неба на землю, и Онъ вселился во Св. Дѣву, заимствовалъ отъ Ней человѣческое естество, которое благоволилъ принять для спасенія міра. Когда это совершилось, — Св. Дѣва содѣлалась вышею изъ всѣхъ созданій Божіихъ — *честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ*, содѣлалась Царицею небесною, Которая предстоить одесную престола Божія и немолчно ходатайствуетъ за всѣхъ чтущихъ Сына Ея.

Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притечемъ грѣшнии и смиренни, и припадемъ, въ покаяннн зовуще отъ глубины души: моли, Владычице, Сына Твоего и Бога да Свой нами обновитъ образъ, истлѣвшій страстьми, да сподобитъ по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безславну, древнею добротой возобразитися. Аминь.

С Л О В О

во вторую недѣлю великаго поста

Постное завѣщаніе радостно воспримемъ... да не усладится наша гортань почитаемыми брашны, по пріятію же безчестуемымъ (на стих. самоглас.)

Вотъ къ чему располагаетъ и наставляетъ насъ Св. Церковь. Она внушаетъ и, такъ сказать, проситъ насъ, христіанъ, чадъ своихъ, съ готовностію и усердіемъ принять и съ духовною радостію проводить время поста, воздерживаясь отъ употребленія любимыхъ, но запрещенныхъ яствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе вняли сему внушенію Церкви, и порадовались душеспасительному времени поста, въ которое

предлагается Св. Церковію столько побужденій къ покаянію, столько средствъ ко спасенію. Да иначе и быть бы не должно: ибо, если по ученію Церкви, постъ есть мати цѣломудрія обличитель грѣховъ, проповѣдникъ покаянія и спасенія человѣковъ, (*) то какъ не возлюбить его, какъ не пожелать себѣ спасенія? Тотъ крайне неразумно поступилъ бы, кто бы не внялъ такому внушенію Св. Церкви, кто бы презрѣлъ постнымъ временемъ, какъ средствомъ, врачующимъ и душу и тѣло.

Но къ сожалѣнію, должно сказать, что это драгоценное, золотое время многими встрѣчается не съ радостію, а съ печалію, не съ любовію, а съ отвращеніемъ, и проводится не такъ, какъ бы слѣдовало похристіански. Отъ чего же это? Не отъ того ли, что мы чрезмѣрно преданы чувственности? Не отъ того ли, что многіе не знаютъ благотворныхъ дѣйствій поста, не знаютъ цѣли его? Кажется, такъ; другія причины едва ли слѣдуетъ предполагать. Нелюбовь къ посту и отвращеніе къ воздержанію свойственны только сластолюбцамъ и плотоугодникамъ, которымъ страшно и невыносимо становится, когда налагается на нихъ обязанность воздерживаться отъ излишней пищи и питія, отъ яденія мяса и употребленія сластей, и предлагается простая, постная пища. Неудивительно, поэтому, притворство нѣкоторыхъ христіанъ, высказывающихъ, что они,—то какъ бы отъ природы неспособны къ принятію постной пищи, то больны и слабы.

Правда, бывають иногда и основательныя побужденія къ несоблюденію поста, собственно такъ называемаго тѣлеснаго,—но это только иногда. Обыкновенно же нелюбители и нарушители поста, которые могли бы не быть таковыми, если бы захотѣли, такъ извиняють и оправдываютъ себя: „я могу непоститься,—говорять они,—для меня не нуженъ

(*) Стих. на стихов. въ понед. 1-й нед. в. поста.

постъ, я и безъ поста могу быть такимъ, какимъ бываетъ другой, постясь“. Но спросимъ таковыхъ, сознають ли они себя грѣшниками, имѣють ли нужду въ покаяніи, и могутъ ли назваться истинными сынами Церкви, нарушая, безъ достаточной причины, уставъ Церкви о постѣ? Никто, конечно, не можетъ отвергать того, что каждый изъ насъ болѣе или менѣе грѣшенъ, что для очищенія грѣховъ необходимо истинное покаяніе, безъ котораго не уврачуется болѣзнь духа и сердца, не исцѣлится недугъ совѣсти. Но истинное покаяніе, служащее во спасеніе, и можетъ быть доказано только добрыми дѣлами, точнымъ исполненіемъ повелѣннаго Богомъ и заповѣданнаго Церковію. А постъ развѣ не Богомъ установленъ, развѣ не Церковію онъ заповѣданъ?.. Кромѣ того, истинное покаяніе во грѣхахъ возможно лишь при обузданіи чувственныхъ пожеланій, отъ коихъ болѣею частію и происходятъ грѣхи, а чувственныя пожеланія надежнѣе всего обуздываются постомъ. Поэтому безъ поста невозможно содѣлаться и пребыть твердымъ въ правилахъ добродѣтели, невозможно безъ него и истинное покаяніе, такъ какъ расположенію къ нему мѣшаютъ чувственныя пожеланія, ничемъ необуздываемыя. Кто же, послѣ сего, можетъ по совѣсти сказать, что для него постъ не нуженъ, что онъ и безъ поста можетъ быть истиннымъ сыномъ Церкви? Нѣтъ, кто хочетъ содѣлаться и пребыть твердымъ въ правилахъ добродѣтели, тотъ покажи эту твердость въ обузданіи своихъ чувственныхъ пожеланій, — къ чему способствуетъ постъ; кто хочетъ быть истиннымъ сыномъ Церкви, тотъ своею покорностію и исполненіемъ устава церкви пусть докажетъ, что онъ точно сынъ, а не противникъ Ея.

Другіе противники поста говорятъ: „постясь, я долженъ опасаться за свое здоровье, которое слабо и разстроено“. — Допустимъ, слуш. и это общеупотребительное извиненіе людей, быть можетъ, и основательно опасаящихся за свое здо-

ровые, которые от пошениа может нѣсколько потерпѣть; но допустимъ это относительно лишь тѣхъ, кои дѣйствительно слабы и разстроены здоровьемъ. Но ко всѣмъ ли, несоблюдающимъ постовъ, идти это опасеніе и извиненіе? Къ большинству, и большинству громадному, оно ничуть, неприложимо. Слѣдуетъ только вникнуть, что значить подобное опасеніе и предложить къ непошениа. Не то ли это значить, что говоряшіе такъ боятся, чтобы постъ не уменьшилъ полноты ихъ тѣла, не уничтожилъ румянца на ихъ лицѣ, не помрачилъ блеска наружной красоты? Но что, если эту потерю можно достигнуть полноты совершенства духовнаго, — за поблекшій румянецъ на щекахъ получить блескъ красоты душевной, за пожертвованіе крѣпости тѣла приобрести бодрость души? Ужели послѣднее менѣе важно, чѣмъ первое? Ужели крѣпость тѣла дороже бодрости духа? Здравомыслящій не станетъ утверждать сего, и, вѣрно, попеченія о тѣлѣ не предпочтетъ заботѣ о душѣ, и не промѣняетъ неба на землю. Да при томъ же и врачи тѣлесные нежно говорятъ, что воздержаніе есть вѣрнѣйшее средство поддержать крѣпкое и возстановить слабое и разстроенное здоровье; а исторія еще правдивѣе говорить, что были и есть люди, которые не одну четыредесятницу, а всю жизнь проводили въ постѣ, и пользовались здоровьемъ. И сколько, вы думаете, жили они? Умирали преждевременно? не достигали послѣднихъ предѣловъ жизни? Нѣтъ! большею частію далеко переходили за нихъ: иной жилъ 80, другой 90, а иной болѣе 100 лѣтъ.

Далѣе, многие хотя волею-неволею соблюдаютъ уставъ Церкви, воздерживаясь отъ запрещенной пищи и питія; но время св. поста встрѣчаютъ и проводятъ не съ радостію, а съ неудовольствіемъ: ибо постомъ стѣсняется ихъ свобода. Въ непостное время часто говорится что только приходитъ на мысль, дѣлается очень многое безъ разбора, безъ рѣзкихъ упрековъ совѣсти, время проводится тамъ и такъ,

гдѣ и какъ придется; но въ постъ, если только помнится, кѣмъ и для чего онъ установленъ, стѣсняется такая воля, отнимается свобода. Иной хотѣлъ бы весело провести время съ знакомыми и пріятелями, но совѣстится: теперь постъ; другой желалъ бы полакомиться мясною, или хоть молочною пищею, кѣ которой особенно во время поста отърывается у него аппетитъ, но опасается соблазнить и другихъ. Отъ такого-то стѣсненія свободы, постъ для многихъ кажется временемъ скучнымъ и неприятнымъ. Но, слуш., постъ—стѣснитель нашей свободы, нерѣдко доводящей насъ до грѣховныхъ дѣйствій, есть великій нашъ обличитель и учитель, стыдящій насъ за наши нечистыя намѣренія и желанія, укоряющій въ лѣности и заставляющій насъ дѣлать, хоть поневолю то, что мы должны дѣлать съ любовью. Вслушаемся, что говорятъ во время поста многіе добрые, благочестивые христіане. Такъ иной говоритъ: я пошусь, и чувствую себя гораздо здоровѣе, чѣмъ когда либо“; *другой*: „я часто бываю на великопостныхъ Богослуженіяхъ, и утѣшаюсь высокими мыслями и чувствами, заключающимися въ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ церковныхъ“; *третій*: „я, по милости Божіей, говѣлъ, исповѣдывался, причастился св. Тайнъ, и чувствую неизреченное удовольствіе въ душѣ и спокойствіе въ совѣсти“. Такъ говорятъ многіе, и говорятъ чистѣйшую правду. Что-жъ, послѣ сего, стануть, въ свое оправданіе, говорить тѣ, которые могутъ поститься, но не постятся, имѣютъ свободное время бывать на Богослуженіяхъ, но не бываютъ, и даже тяготеютъ исполнить необходимый священныи долгъ исповѣди и причастія св. Тайнъ? Не грѣшно ли таковымъ ясти и пити, когда другіе добрые, богобоязненные сыны Церкви постятся? Не совѣстно ли оставаться дома и дѣлать угодное плоти и миру въ такое время, когда другіе идутъ во храмъ, и тамъ

назидаютъ себя покаяннымъ ученіемъ и душеспасительными молитвами?

Наконецъ, нельзя умолчать еще о томъ, что многихъ тяготитъ продолжительность великопостныхъ Богослуженій, наводя на нихъ какую-то скуку и повергая въ разсѣяніе. Но можно ли скучать тѣмъ занятіемъ, при которомъ голосъ души возносится на небо, и тамъ сливается съ молитвеннымъ ликомъ св. Ангеловъ, никогда не умолкающихъ предъ престоломъ Вѣчнаго? Можно ли предаваться разсѣянію тогда, когда душа наша приближается къ Богу и бесѣдуетъ съ Нимъ? Ахъ, неразумно поступаютъ тѣ, кои скучаютъ и тяготеютъ продолжительностію постныхъ молитвъ, сильныхъ отразить разныя искушнія! Ибо чего не дѣлаетъ, чего не производитъ усердная молитва? Всякая соблазнительная мысль, всякое плотское чувство, всякое беззаконное пожеланіе изгоняются изъ души и сердца христианина молитвою: молитва охлаждаетъ огонь сладострастія, языкъ удерживаетъ отъ осужденія и клеветы, смягчаетъ жестокосердіе, укрощаетъ бурные помыслы честолюбія и лобостыжанія. Вотъ что, и больше сего, производитъ молитва! И можно ли скучать ею, сколько бы она продолжительна ни была?...

Слушатели! Велика сила поста, благотворно воздержаніе отъ излишней, уставомъ церковнымъ запрещенной во время поста, пищи и питія. Познаемъ это, — а вмѣстѣ съ этимъ познаемъ и то, что когда тѣло бываетъ обременено утучняющими яствами и распалено горячими напитками, тогда оно неспособно ни къ какимъ подвигамъ благочестія и добродѣтели: безсиліе и нерадѣніе овладѣваютъ имъ такъ, что, при первомъ впечатлѣніи злаго искушенія и соблазна, оно уступаетъ, увлекая за собою въ плѣнъ и самую душу. Постъ, напротивъ того, предлагая простыя яства, уменьшая количество приемлемой пищи, охлаждаетъ до известной степени кровь, сообщаетъ тѣлу легкость и бодрость;

при которых ни очи не воздремлютъ, ни силы не ослабѣютъ на молитвѣ и въ подвигахъ благочестія.

Пусть же, послѣ сего, лжемудрствующіе нарушители поста говорятъ, что постъ, въ дѣлѣ спасенія, не есть необходимая добродѣтель. Ихъ лжемудрствованій слушать мы не станемъ, но будемъ вѣровать и признавать противное, т. е., что постъ—важенъ, душеспасителенъ и необходимъ. По опыту знаемъ, что гдѣ свято сохраняется постъ, тамъ процвѣтаютъ многія и многія добродѣтели; гдѣ царствуетъ умѣренность и скромность въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ,—а это тоже есть постъ духовный,—и не оставляется молитва, тамъ присуще благочестіе, тамъ—преданность сердца Богу. Напротивъ того, гдѣ наиболѣе слышатся суесловіе, осужденіе, брань, колкія насмѣшки, какъ не за пиршественными столами? Гдѣ вольномыслие смѣлѣе, гдѣ языкъ необузданнѣе, гдѣ страсти неистовѣе, гдѣ поведеніе неблагопристойнѣе, какъ не въ мѣстахъ, чревоугодію посвященныхъ, въ которыхъ дается полная свобода страстямъ и забывается всякое благочестивое дѣло?

Да загралятся же уста порицающихъ и нарушающихъ св. постъ; а сердце наше да откроется къ радостному принятію и христіанскому провозженію душеспасительнаго постаго времени, въ которое мы можемъ уврачевать свою душу и тѣло, если только будемъ поститься постомъ приятнымъ и благоугоднымъ Богу. Аминь.

Священникъ Лаврентій Подольскій.

16-го Марта

1869 г.